

ХАОС ВОЛШЕБСТВА

или Холмс не придет

Ольга Дорошенко

Хаосволшебство или...

Ольга Дорошенко

**Хаос волшебства или
Холмс не придет**

«Автор»

2026

Дорошенко О.

Хаос волшебста или Холмс не придет / О. Дорошенко —
«Автор», 2026 — (Хаосволшебство или...)

Шерлок Холмс знает всё. И это его убивает. Преступления стали предсказуемыми. Мориарти ушёл на пенсию. Ватсон закрыл блокнот. Великий детектив третий год сидит в кресле и смотрит в потолок. Но однажды из камина вываливается крылатый осёл, а следом — женщина, которая утверждает, что разговаривает с драконами и, что дедукция — это, конечно, прекрасно, но иногда нужно просто спросить: «Что у вас болит?» Теперь Алисе предстоит невозможное: вернуть Холмсу интерес к жизни. В этом ей помогут — или помешают — крылатый осёл-философ, профессор Мориарти, групповые чаепития с полицейскими и одна очень опасная игра. Потому что, чтобы разбудить гения, нужно создать загадку, у которой нет ответа.

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ДОМ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ	7
ГЛАВА 2. ГОСТЬЯ, КОТОРАЯ ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ	9
ГЛАВА 3. КРАЖА ШЛЯПЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО	10
ГЛАВА 4. ВИЗИТ ПРОФЕССОРА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Дорошенко

Хаос волшебста или Холмс не придет

Пролог

*Говорят, если достаточно долго
разгадывать загадки, однажды ты
разгадаешь и самого себя. И это,
как правило, не радует.*

Когда-то Лондон был столицей преступлений. Туман скрывал убийц, кэбы увозили похитителей, а дворецкие ввали с такой виртуозностью, что даже Скотланд-Ярд аплодировал. И в центре этого хаоса стоял он — Шерлок Холмс. Человек, который видел всё. Человек, для которого мир был открытой книгой, напечатанной крупным шрифтом и с подробными сносками.

Но книги имеют свойство заканчиваться.

Теперь Лондон был столицей предсказуемости. Преступления шли по расписанию: ревнивый муж — понедельник, жадный наследник — среда, скандал в высшем обществе — пятница. К воскресенью Холмс уже знал, что произойдёт в понедельник. Не потому, что был гением. Просто всё это уже было.

Мориарти, его вечный противник, ушёл на пенсию. Прислал открытку: «Дорогой Холмс, я устал. Преступность стала скучной. Даже злодеи теперь читают инструкции. Ваш, Джеймс (бывший Наполеон преступного мира, ныне — садовод)».

Ватсон всё ещё приходил. Но его блокнот был девственно чист. Однажды он написал: «Сегодня Холмс разгадал преступление до того, как оно произошло. Преступник, узнав об этом, решил не совершать преступления. Дело закрыто, не начавшись». И закрыл блокнот. Надолго.

Холмс больше не играл на скрипке. Музыка стала формулой. Он сидел в кресле на Бейкер-стрит, 221б, и смотрел в потолок, на котором не было ни одной трещины. Потолок был идеален. Как и всё остальное. И от этой идеальности хотелось выть.

Миссис Хадсон пыталась помочь, приносила травяные отвары собственного изобретения — «Для гениальных интровертов», как значилось на бутылочке. Вкус был странный, но хоть какой-то. Единственное, что ещё имело вкус.

Однажды, разбирая старые бумаги, Ватсон наткнулся на заметку в «Таймс». Трёхмесячной давности. О «феномене из Москвы»: актриса, чей голос вызывал необъяснимые резонансы. Газета поместила это в раздел курьёзов. Но Ватсон, старый военный врач, умел читать между строк. Он написал письмо. В Москву. На деревню дедушке.

Прошло три месяца. И однажды утром на Бейкер-стрит, 221б, раздался стук. Не в дверь. В стену. Изнутри.

Холмс открыл глаза. Впервые за долгое время — с интересом.

— Ватсон, — сказал он, не повышая голоса. — Кажется, у нас гости. И кажется, они не знают, где в доме дверь.

Из каминной трубы, чихая и отплёвываясь сажей, вывалилось нечто среднее между ослом и уставшим ангелом. На спине сидела женщина в чёрном платье.

— Освальд, — прохрипела женщина, — если ты ещё раз решишь, что камин — это портал, я сдам тебя в зоопарк. В секцию «неопознанное, но очень раздражающее».

— Мяу, — ответил Освальд и начал вылизывать сажу с крыла.

Холмс смотрел. На его лице не дрогнул ни один мускул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на мысль: «Это не укладывается в схему». И это было прекрасно.

— Мадам, ваш транспорт мяукает. Это симптом.

— Мой транспорт мяукает уже полторы книги. Это не симптом. Это характер.

Она встретила с ним взглядом. Холмс привык, что люди отводят глаза. Эта — не отвела.

— Вы Холмс?

— Допустим.

— Меня зовут Алиса. Я — голос. И, кажется, вам это нужно.

— Я не нуждаюсь в слушании, — холодно ответил Холмс. — Я нуждаюсь в задаче. Которой нет.

— Задача есть, — спокойно сказала Алиса. — Просто она не про преступление. Она про вас.

И в этот момент Холмс — Шерлок Холмс, человек, который знал всё, — не нашёл, что ответить. Потому что это была правда.

ГЛАВА 1. ДОМ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

*Из дневника доктора Ватсона:
«Сегодня Холмс встал. Съел тост.
Сказал мне, что я неправильно
держу ложку. Прогресс?»*

Дом на Бейкер-стрит, 221б, пах пылью, старым деревом и немывтыми скрипичными струнами. Не то чтобы миссис Хадсон плохо убиралась. Она убиралась превосходно. Просто пыль в этом доме была не бытовая, а метафизическая. Она оседала на вещах, потому что вещи давно никто не тревожил.

Алиса чихнула.

— Будьте здоровы, — автоматически сказал Ватсон и тут же осёкся: в этом доме уже несколько лет никто не чихал и не желал здоровья.

Они сидели в гостиной: Алиса на краешке кресла, Ватсон у камина, Холмс — в своём кресле, спиной ко всем. Освальда отправили на кухню. Миссис Хадсон, увидев крылатое существо, перекрестилась, а потом деловито спросила: «Он ест овёс или предпочитает что-то более изысканное?»

— Итак, — сказала Алиса, — меня вызвал доктор Ватсон. По каким-то причинам, которые он, кажется, до конца не сформулировал.

Ватсон кашлянул.

— Я... видите ли... — он покосился на Холмса. Тот не двигался. — Я написал вам, потому что прочитал о вашем... методе. И подумал, что, возможно...

— Вы подумали, что ваш друг нуждается в помощи, но не знает, как её попросить, — закончила Алиса. — Или не хочет.

Холмс издал звук — нечто среднее между фырканьем и смешком.

— Мадам, — произнёс он, не оборачиваясь, — я не нуждаюсь в помощи. Я нуждаюсь в загадке. В чём-то, что требует усилия. Но мир, увы, перестал предоставлять такие загадки. Мир стал предсказуем.

— То есть вы жалуетесь, что вы слишком умны для этого мира?

— Я не жалуюсь. Я констатирую факт.

Алиса встала. Подошла к его креслу. Он не повернулся.

— Можно мне чай? У вас тут холодно. Не физически. Метафизически.

Миссис Хадсон, которая всё это время стояла в дверях, делая вид, что протирает и без того чистую полку, тут же встрепенулась:

— Я принесу! У меня есть отвар. Успокаивающий. Для... — она запнулась, — ...для гениальных интровертов. С изюмом. Освальд одобрил.

— Для меня не надо, — бросил Холмс. — В прошлый раз там был ирис. И паслёновые. И что-то ещё, что я не смог идентифицировать.

— Вы не смогли идентифицировать? — переспросила Алиса. — Это же прекрасно. Значит, в мире ещё осталось что-то, что вы не знаете.

Холмс повернулся. Впервые за весь разговор. Его глаза — светлые, острые, как осколки льда — изучали её с холодным любопытством.

— Вы пытаетесь меня заинтриговать?

— Я пытаюсь вас напоить чаем. Это не одно и то же, хотя иногда даёт похожий результат.

Чай принесли. Алиса вдохнула пар. Пахло мятой, лавандой и чем-то ещё — тем, что она про себя называла «лесной нотой».

— Доктор Ватсон, — сказала она, — покажите мне ваш блокнот.

Ватсон покраснел.

— Это личное...

— Я понимаю. Но если я здесь, чтобы помочь, мне нужно знать, с чем мы имеем дело.

Ватсон покосился на Холмса. Тот снова отвернулся к потолку. Тогда Ватсон, вздохнув, достал из кармана потрёпанный блокнот и протянул Алисе.

Она открыла. На первой странице было: «Сегодня Холмс встал. Съел тост. Сказал мне, что я неправильно держу ложку. Прогресс?» На второй: «Вторник. Ничего не произошло. Среда. Тоже ничего. Четверг. Холмс переставил скрипку с левого угла в правый. Причина неясна. Возможно, это знак». На третьей: «Я больше не знаю, зачем пишу это».

Алиса закрыла блокнот. Посмотрела на Ватсона — на его усталые глаза, на плечи, которые привыкли быть на втором плане.

— Вы не просто летописец, — тихо сказала она. — Вы — свидетель. А свидетель — это тот, кто видит, когда все остальные отвернулись. Это важно.

Ватсон моргнул. Кажется, ему никто никогда не говорил, что он важен.

— И что вы предлагаете? — раздался голос Холмса. Он по-прежнему смотрел в потолок, но в голосе появилась новая нота.

— Я предлагаю провести здесь некоторое время. Понаблюдать. Поговорить. Не с вами. С Лондоном. С домом. С людьми, которые вас окружают. А вы можете продолжать смотреть в потолок. Это ваше право.

— Потолок идеален, — сказал Холмс. — В нём нет трещин.

— Вот именно, — сказала Алиса.

И вышла.

Ватсон записал в блокноте: «Она сказала, что я важен. И что потолок слишком идеален. Не понимаю, что из этого более странно».

ГЛАВА 2. ГОСТЬЯ, КОТОРАЯ ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ

Из дневника доктора Ватсона:

«Миссис Хадсон сегодня улыбнулась. Впервые за полгода. Причина: Алиса спросила рецепт отвара. И добавила: «Освальд говорит, изюма в самый раз». Освальд не говорил. Освальд мяукал. Но миссис Хадсон поняла».

Утро на Бейкер-стрит началось с того, что Освальд застрял в дымоходе. Снова. Миссис Хадсон, вооружившись кочергой и молитвой, пыталась его вызволить, пока Алиса держала свечку.— Он у вас всегда такой? — спросила миссис Хадсон.— Он не мой. Он сам по себе. Я просто пассажир. Иногда мне кажется, что это он меня перевозит из жалости.— Жалость — не его профиль, — донёсся из камина голос Ватсона. — Он, по-моему, вообще не испытывает эмоций. Кроме голода.— И экзистенциальной тоски, — добавила Алиса. — Не забывайте про экзистенциальную тоску. И любовь к изюму. Это его основные характеристики. Когда Освальда наконец извлекли (чумазый, но философски спокойный: «В дымоходе темно. Но это не самое тёмное место, в котором я бывал. И изюма там нет. Совсем»), Алиса отправилась на кухню — помочь миссис Хадсон с чаем. Кухня была маленькой, тёплой и пахла сушёными травами. На полках стояли банки с надписями: «От мигрени», «Для бодрости», «Успокаивающий 3 (не давать Холмсу)».— Почему «не давать Холмсу»? — спросила Алиса. Миссис Хадсон вздохнула.— Потому что он его выливает. Говорит, что я порчу ингредиенты. Что мои отвары — «улики низкого качества». Знаете, каково это — тридцать лет готовить для человека, а потом узнать, что ты для него — улика низкого качества? Алиса взяла банку, открыла, вдохнула. Мята. Мелисса. Чуть-чуть лаванды. Никакого криминала. Только забота.— Знаете, миссис Хадсон, у меня в Лесу была одна фея. Она тоже думала, что её магия никому не нужна. А потом оказалось — нужна. Просто тем, кто не кричит о своей боли. Миссис Хадсон подняла глаза.— Вы думаете, он... молчит о боли? — Я думаю, он вообще не знает, что ему больно. Он так давно не чувствовал, что забыл, как это бывает. В дверях возник Ватсон. Он кашлянул.— Простите, что прерываю, но... Лестрейд пришёл. Говорит, у него дело.— Дело? — Алиса удивлённо подняла бровь.— Их и нет, — сказал Ватсон, и в его голосе прозвучала сложная смесь иронии и грусти. — Это... другое. Сами увидите.

ГЛАВА 3. КРАЖА ШЛЯПЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

*Из дневника доктора
Ватсона: «Лестрейд принёс дело о
краже шляпы. Холмс разгадал его,
не вставая с кресла. Алиса
сказала, что это не расследование,
а «взаимное притворство». Лестрейд
заплакал. Я не знаю, что
записывать».*

Инспектор Лестрейд был человеком, которого жизнь побила, но не сломала — а только помяла. Он стоял посреди гостиной, теребя в руках котелок, и выглядел так, будто его только что уволили, но он ещё надеется, что это шутка. — Мистер Холмс, — начал он, — у меня дело. Кража. Среди бела дня. На Гайд-стрит. Холмс не открыл глаз. — Шляпа. Котёл. Серый. Владелец — клерк из Сити, сорок два года, левый рукав сюртука протёрт сильнее правого, на обуви — следы глины. Шляпу украли не из корысти. Из хулиганства. Или от скуки. Ищите среди подростков. Дело закрыто. Лестрейд открыл рот. Закрыл. Снова открыл. — Но... откуда вы... — Вы описали место и время. Остальное — элементарно, Лестрейд. Алиса заметила, как у инспектора дрогнули руки. Не от восхищения. От чего-то другого. — Инспектор, — сказала она тихо, — можно вас на пару слов? На кухню. На кухне миссис Хадсон наливала чай. Лестрейд сел за стол — и вдруг закрыл лицо руками. — Я не могу больше. Я прихожу к нему с делами, которых нет. Я их придумываю. Понимаете? Придумываю. Потому что если у Холмса не будет дел, он угаснет. Алиса села рядом. — Расскажите мне про последнее настоящее дело. Не придуманное. Лестрейд поднял глаза — красные, усталые. — Это было три года назад. Убийство в порту. Холмс приехал, посмотрел, сказал: «Второй грузчик, ревность, нож в спине». И уехал. Он даже не вышел из кэба. Он разгадал убийство, не выходя из кэба. И тогда я понял: всё. Конец. — А зачем вам полиция? — спросила Алиса. Лестрейд посмотрел на неё так, будто она спросила, зачем дышать. — Чтобы... защищать. Помогать. Быть... — Быть нужным, — закончила Алиса. — Как Холмс. Как Ватсон. Как миссис Хадсон. Вы все тут боитесь одного и того же: что вы больше не нужны. Что ваши роли кончились. А новых никто не предложил. На пороге кухни возник Холмс. Сколько он слышал? По его лицу невозможно было понять. — Лестрейд, — сказал он наконец. — Шляпа. Это ведь была ваша шляпа, не так ли? Инспектор вздрогнул. — Откуда вы... — Вы слишком нервничали. Слишком много деталей. Так стараются, когда врут. Вы пришли сюда не с преступлением. Вы пришли с... — он запнулся. — ...с предложением. Провести время. Потому что вам одиноко. В комнате повисла тишина. Миссис Хадсон перестала наливать чай. Ватсон замер в дверях. Освальд, спавший под столом, приоткрыл один глаз. — Да, — тихо сказал Лестрейд. — Да, чёрт возьми. Мне одиноко. Нам всем одиноко. А вы, Холмс, сидите тут и делаете вид, что это не так. Холмс молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, но Алиса заметила, как дрогнула его рука. — Я тоже не знаю, что с этим делать, — сказал он наконец. — Я никогда не знал. Поэтому я разгадывал преступления. Это было проще. Он повернулся и вышел из кухни. Ватсон записал в блокноте: «Сегодня Холмс сказал: «Я не знаю». Не о преступлении. О чувствах. Я считаю это прорывом. И ещё: Лестрейд признался, что кража шляпы была подстроена. Он заплакал. Я тоже. Кажется, это теперь часть нашей жизни. Странная. Но наша». Вечером того же дня Алиса сидела на кухне с Лестрейдом, Ватсоном и миссис Хадсон. Холмс ушёл к себе. Освальд спал под столом. — Послушайте, — сказала Алиса. — Вы все тут играете роли. Детектив. Помощник. Полицейский. Хозяйка. Вы думаете, что если перестанете играть — исчезнете. Но это не так. Смотрите на меня. Я — актриса, которая разговаривает с драконами. Я — человек, который прилетел через камин на

осле, который мяукает. Я — доказательство того, что можно жить иначе. Не по шаблону. Не по роли. А просто... быть. Сложной. Нелогичной. Настоящей.— И как это — быть? — тихо спросил Лестрейд.— Это страшно, — честно сказала Алиса. — Но не так страшно, как одиночество. Миссис Хадсон налила ещё чаю. Ватсон записал что-то в блокнот. Освальд всхрипнул. Где-то наверху, в своей комнате, Холмс взял в руки скрипку — и замер. Он не играл. Но он уже не молчал. Он слушал.

ГЛАВА 4. ВИЗИТ ПРОФЕССОРА

*Из дневника доктора
Ватсона: «Сегодня к Алисе приходил
посетитель. Я не видел его лица,
но слышал голос. Низкий.
Вкрадчивый. Папоротник в её
комнате дрожал. У меня нехорошее
предчувствие. Впрочем, у меня
всегда нехорошее предчувствие. Это
часть моей натуры».*

Алиса устроилась в маленькой комнате на втором этаже — той, что миссис Хадсон когда-то сдавала «приличным молодым людям», а теперь не сдавала никому. Комната была узкой, как пенал, но в ней имелся камин (не работал), окно (выходило на кирпичную стену) и подоконник, на который Алиса водрузила горшок с папоротником. Папоротник она привезла из Леса — Освальд, собирая её в дорогу, видимо, решил, что женщине в чужом мире нужен хоть какой-то знакомый организм, и сунул горшок в седельную сумку.

Сейчас папоротник дрожал. Мелкой, нервной дрожью.

В дверь постучали. Три удара — чётких, размеренных, с идеальной паузой.

Алиса открыла.

На пороге стоял мужчина. Худощавый, в идеально сшитом пальто, с лицом аскета и глазами, которые видели слишком много и теперь от этого устали. Трость в руке — не для опоры, а как продолжение руки.

— Мисс Алиса? — спросил он. Голос низкий, вкрадчивый. — Я — проблема. Или, если хотите, симптом. Вы пригласите меня войти или мы будем обсуждать кризис бытия на лестничной клетке? Здесь сквозняк. И пахнет чужой жизнью. Это меня дезориентирует.

«Отлично, — подумала Алиса. — Сначала драконья ноздря, потом Архив в паутине, теперь — незнакомец, которого дезориентирует запах чужой жизни. Моя карьера определённо идёт в гору. Вопрос — в какую сторону».

Она отступила. Мужчина вошёл, оглядел комнату — быстро, цепко. Задержал взгляд на папоротнике (тот мелко дрожал), на стопке бумаг, на старой афише «Уставшие крылышки» на стене.

— Уютно, — сказал он тоном, который мог означать что угодно. — Неожиданно. После леса, драконов и прочей эмпирической магии я ожидал увидеть алтарь или хотя бы курильницу.

— А вы откуда знаете про лес и драконов? — спросила Алиса.

Мужчина сел — не как гость, а как человек, который всегда садится первым.

— Мисс Алиса, я, знаете ли, тоже своего рода системный элемент. В некоторых мирах меня называют профессором. В других — консультантом. В третьих — кошмаром. Но чаще всего — Мориарти. — Он достал из кармана визитку — чёрную, матовую — и положил на стол. — И я пришёл к вам не как враг. Я пришёл как человек, который потерял своего единственного зрителя. И без него я даже не злодей. Я так... статист. Иногда — просто профессор математики с плохой репутацией.

Алиса взяла визитку. На чёрном фоне серебряными буквами было вытеснено:

Professor James Moriarty

Динамика конфликта. Оптимизация криминальных нарративов.

«Без героя я — теория, не ставшая практикой»

— Вы хотите сказать, — медленно произнесла Алиса, — что Шерлок Холмс выгорел?

— Хуже. Ему стало скучно. А когда гению становится скучно, он перестаёт быть гением. Он превращается в раздражённого мужчину средних лет, который играет на скрипке и рассыпает по столу кокаин, потому что «так написано в моём профиле». Ватсон мечется. Миссис Хадсон плачет. Лестрейд фабрикует кражи шляп. А я профессионально, мисс Алиса, не у дел.

«У него дрожит губа. У Наполеона преступного мира дрожит губа. Интересно, в моём резюме уже есть графа «довела до слёз профессора Мориарти»? Если нет — пора добавить».

— И вы хотите, чтобы я...

— Вернула ему интерес к жизни. Заставила его снова видеть загадки. Сделала так, чтобы он снова хотел меня ловить. Потому что без этого мы оба — просто два пожилых джентльмена, которым нечем заняться по вечерам. И это, знаете ли, трагедия почище любого преступления.

— Допустим, я соглашусь помочь. Что вы предлагаете конкретно?

Мориарти чуть наклонился вперёд.

— Я предлагаю устроить преступление. Не настоящее. Терапевтическое. Загадку. Странность. Нечто, что Холмс не сможет разгадать за пять минут. Потому что ответа нет. Есть только вопрос.

— И вы думаете, это его разбудит?

— Я думаю, что Холмс спит не потому, что устал. Он спит, потому что мир перестал его удивлять. Давайте удивим его снова.

Алиса долго смотрела на него. Потом перевела взгляд на папоротник. Тот всё ещё дрожал, но уже не так отчаянно.

— Хорошо. Но с одним условием. Никаких настоящих преступлений. Только игра. Терапевтическая.

— Игра, — повторил Мориарти, и в его глазах мелькнуло что-то очень похожее на благодарность. — Договорились.

Он встал, поправил пальто.

— Тогда — до завтра. Я пришлю вам детали. Ничего не бойтесь. Папоротник боится за нас обоих.

Он вышел. Папоротник перестал дрожать. Алиса взяла со стола чёрную визитку и долго вертела её в руках. «Терапевтическое преступление. Я согласилась на терапевтическое преступление с профессором Мориарти. Либо я стала лучшим психотерапевтом в мультивселенной, либо худшим. Возможно, и то, и другое одновременно».

В дверь постучали снова. На этот раз это был Ватсон — взволнованный, с чайником в руках.

— Я видел, как отсюда выходил человек. Высокий. В дорогом пальто. С тростью. Я не разглядел лица, но... Алиса, вы в порядке?

— В полном. Это просто консультант. По криминальным нарративам.

— По каким нарративам?

— Криминальным, — повторила Алиса и вдруг рассмеялась. — Доктор Ватсон, у вас в Лондоне все такие сложные или мне просто везёт?

Ватсон поставил чайник на стол.

— Когда я познакомился с Холмсом, я думал, что он самый странный человек в мире. Потом появились вы. Теперь этот консультант. Боюсь, моя картина мира трещит по швам.

— Это хорошо, — сказала Алиса. — Значит, в ней появляются новые детали. Трещины — это не дефект. Трещины — это начало новой мозаики.

Ватсон записал в блокноте: «Алиса сказала, что трещины — это начало новой мозаики. Не знаю, что это значит, но звучит утешительно. Ещё она назвала меня «доктор Ватсон» — с уважением. Не как помощника. Как врача. Кажется, я начинаю вспоминать, кто я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.